

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-31-38>*Оригинальная научная статья***«Размышления...» в творчестве Кристи Вольф****З. И. Наджафова**

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

✉ necefovazoya@gmail.com**Аннотация**

В данной статье исследуются романы-«размышления» К. Вольф. «Франкфуртские лекции», «Кассандра», «Медея», «Авария» и «Размышления о Кристе Т.», в которых автор, беседуя с читателем, обсуждает различные проблемы и, вместе с тем, расширяет границы современной ей прозы. В ее произведениях сочетаются фантастика и публицистика, реальность и выдумка, история, мифы и современность соединяются в единое целое. Романная форма «размышления» объединяет в себе все элементы жанра. Поэтому мы предполагаем, что романы-«размышления» – это отдельный литературный жанр. В рамках новой поэтики появилась необходимость объяснения читателю, воспитанному в традициях реалистического искусства, причин обращения к непривычной для него нарративности: эссеистичности повествования. Помимо «размышлений» о творчестве предшественников, К. Вольф создает свои произведения в форме собственных «размышлений» над глобальными проблемами прошлого и современного ей бытия, но при этом обращается к мифам. Посредством мифов как интертекстов К. Вольф выражает свой взгляд на современную ей жизнь. Сюжеты мифов подталкивают К. Вольф на «размышления...».

Ключевые слова: размышления, миф, интертекст, смыслообразование, постмодернизм, концепты, жанрообразующие факторы, мир как хаос, «смерть автора», «смерть героя»

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Наджафова З. И. «Размышления...» в творчестве Кристи Вольф. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2025, № 1 (17). С. 31–38. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-31-38>

*Original article***"Reflections..." in the works by Christa Wolf****Zoya. I. Najafova**

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

✉ necefovazoya@gmail.com**Abstract**

The article reviews Christa Wolf's novels-reflections: "Frankfurt lectures", "Kassandra", "Medea", and "Crista T. thoughts about", where the author, in conversations with the reader, discusses various problems and also expands the boundaries of prose works. Her works unite fiction and journalism, reality and fiction, history and myths and modernity. "Reflections" in the form of a novel contains all the signs of a genre. Thus, in our opinion, novels-reflections make a separate genre. Within the framework of the new poetics, the author had to explain to the reader, brought up in the traditions of realistic art, the reasons for turning to the unusual essay nature of the narration. In addition to "reflections" on the work of her predecessors, Wolf creates her works in the form of her own "reflections" on some global problems of the past and her modern existence;

© Наджафова З. И., 2025

at the same time, she turns to myths. Through myths as intertexts, Wolf expresses her view of the contemporary life. The plots of myths inspire Wolf on "reflections..."

Keywords: reflections, myth, intertext, semantic formation, postmodernism, concepts, genre-forming factors, world is like chaos, "the death of the author", "the death of the hero"

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Najafova Z. I. "Reflections..." in the works by Christa Wolf. *Issues of national literature*. 2025, No 1 (17). Pp. 31–38. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-31-38>

Введение

Следуя постмодернистскому принципу «смерти субъекта», К. Вольф в качестве предмета изображения избирает не человека, а мысли и размышления о нем и «подлинность», включая в это понятие игру авторского видения, фантастичности и «подлинности» вымысла, и читательского восприятия, способных совместно «превзойти действительность». «Нашим пером мы заново изобретаем мир» [1, с. 67], – утверждала К. Вольф, чьи мысли перекликались с позицией постмодернистов, считавших, что мир открывается человеку лишь в виде историй, рассказов о нем.

К творчеству Кристины Вольф обращались многие российские исследователи, которые изучали особенности поэтики ее произведений, своеобразие идейно-эстетических принципов и способов выражения мировоззренческих взглядов на современное ей бытие. Особенно интересными представляются исследования А. А. Гугнина, а также П. Д. Ивлиевой, О. И. Савиных и других, изучавших в сопоставительном ракурсе произведения К. Вольф и Л. Улицкой о Медее, Л. Г. Брежневой, рассматривавшей романы К. Вольф в контексте немецкой прозы.

Целью нашей статьи является исследование в рамках постмодернизма жанровых особенностей «размышлений».

В форме «размышлений» созданы произведения «Размышления о Кристе Т.», «Кассандра», «Медее», «Франкфуртские лекции», анализ которых входит в нашу задачу.

Жанровые особенности «Размышлений...».

В поисках новой духовной и культурной традиции К. Вольф создает «Франкфуртские лекции» [1], – модель «поэтического мышления» в философско-литературоведческом варианте, произведение «значительное, если не сказать даже больше – великое» [2, с. 20]. По своей сложности, многогранности произведение, определенное самим автором, как «лекции» – сочетание путевых заметок, изложение творческого процесса формирования и воплощения художественного образа, попытка воссоздания в форме дневника «взаимосвязи жизни и материала», а в форме письма – вопроса «об исторической реальности Кассандры и об условиях женского писательства» [2, с. 20].

«Франкфуртские лекции» – образец формы «размышления...» и постмодернистской интертекстуальности. «Лекции» имеют выходы в другие тексты, которые присутствуют в нем на различных уровнях: тексты предшествующей культуры (Гете «Фауст», К. Вольф «Кассандра», Эсхил «Орестея»), современный литературный контекст (стихи Ингеборг Бахман «Скажи, любовь», роман «Малина» и др.). Художественная ткань «лекций» соткана из различных цитат, отрывков произведений, выдержек из путеводителя и мифологического словаря, медицинских терминов, речи по радио одного западного ученого-

экономиста, писем Т. Манна и других источников. Смыслорождение происходит только как результат связывания между собой этих семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст. Цитирование во «Франкфуртских лекциях» не самоцель, а средство выражения «цитатного мышления»: перефразы, ассоциативные отсылки, аллюзии введены в саму субстанцию текста, служа процессу смыслообмена с широкой культурной средой, создают «игру смыслами», а различное стилевое оформление «лекций» порождает в произведении игру эпистолярным, художественно-публицистическим и научно-эпистолярным стилями, имитирующими документалистику в связи с кризисом доверия к беллетристике.

В рамках новой поэтики К. Вольф отмечает новый подход к материалу, имея в виду тот симбиоз литературоведческого теоретизирования и новой своей эстетики и поэтики. Большое место в «лекциях» занимают размышления К. Вольф с новых позиций о произведениях Гомера, Шиллера. Эсхила, Гете и др.

К. Вольф в собственных «размышлениях» над глобальными проблемами прошлого и современного ей бытия обращается к мифам, посредством которых выражает свой взгляд на современную ей жизнь. Например, причину глубочайшего кризиса, переживаемого Кассандрой, К. Вольф видит не в гневе троянцев, грозивших ей гибелью, а в том, что «все узы между нею и соотечественниками... оказываются порванными, новая же связующая сеть еще не сплетена по собственной ее вине» [1, с. 174]. Трагедию Кассандры видит в ее изгнании, которое для древнего человека означало верную смерть от страха, раскаяния, ужаса и от краха «той внутренней структуры ценностей» [1, с. 174], при разрушении которой и мы не можем жить. Хотя в пророчества Кассандры никто не верил, сама писательница «верила каждому ее слову», ощущая с Кассандрой некое сходство в пророческой миссии, надеясь, что в современности «пророческая вера – это... вера в силу слова» [1, с. 165].

Таким образом, в процессе соприкосновения с интертекстом для современной литературы открывается возможность расширения и реактуализации восприятия смыслов, ценность которых была девальвирована, утрачена.

В процессе исследования «Орестей» К. Вольф как рецепиент ищет ответ на бесконечное множество вопросов, не освещенных в научно-исследовательской литературе по античности: «сколько лет было Кассандре?», «откуда она берет силы для протеста?», «за какую вину расплачивается Кассандра?». Не принимая версию Эсхила, – за обман Аполлона, – К. Вольф ставит Кассандре в вину способность «так далеко отойти от своего народа, что провидела его злосчастную судьбу» [1, с. 174]. В ином восприятии писательницей образа Кассандры реализуется процедура нового смыслообразования. Интерпретация К. Вольф соответствует постмодернистскому принципу расширения горизонтов представленности в современной литературе идей и текстов классического наследия. В этом отношении «постмодернизм есть способ бытия классики в современную эпоху». Вне постановки вопроса о соответствии некоему исходному, истинному значению исследуемых произведений, К. Вольф «творит реальность», новую, ибо в постмодернизме само существование бесчисленных интерпретаций любого текста предполагает невозможность быть верным источнику и «абсолютную независимость интерпретации от текста и текста от интерпретации» [3, с. 333]. В самом процессе интерпретации заложен постмодернистский принцип «игра истинами», выраженный в смыслообразовании.

Форма «размышлений...» предполагает дискурсивные отношения с читателем, многомерность повествовательного пространства, создающие широкие возможности смыслопорождения и интерпретации материала, следование принципам «смерть субъекта», «смерть автора», обращения к игровому началу

и интертексту, «поэтику обыденности», нарративность, дают основание считать произведение текстом, позволяющим читателю творить «из хаоса порядок», и определить его метод как постмодернизм. В тексте нет человека, есть лишь размышления о его судьбе и его участии в превращении мира в хаос.

Поиск новых идейно-эстетических ориентиров привел К. Вольф к пониманию необходимости новой формы повествования. Этой цели вполне соответствовала эстетика постмодернизма, по которой мифо-фольклоризм не просто фон повествования, а концептуальный способ видения мира, смыслопорождающая и структурообразующая основа произведения.

Созданный в форме «размышлений» роман К. Вольф «Медея» [4] имеет подзаголовок «Голоса», напоминая многоголосье, полифонизм Ф. Достоевского. В романе К. Вольф «Голоса» персонажи воплощают в себе различный взгляд на одну и ту же ситуацию.

Концептуальность образа Медеи в античных трагедиях заключалась в незначительных изменениях на идейно-сюжетном уровне в направлении большей или меньшей психологизации и углубления или сглаживания конфликта долга и чувства. Совершенно иной подход к образу Медеи заключен в романе К. Вольф «Медея», в котором в соответствии с постмодернистскими принципами «смерть автора», «смерть героя» автор растворился в «голосах теней» – персонажей.

Во вступлении писательница, встретившись с тенью Медеи, пытается «вырвать у мертвых их тайны», спустившись к древним, чтобы «разрушить систему наших предубеждений» о неистовой женщине «с магическим именем, в котором сошлись времена и эпохи» [4].

Эпиграф из Сенеки: «И только теперь, я, Медея через страдания собою становлюсь» указывает на преемственную связь романа с традициями изображения образа Медеи в древности и свидетельствует о намерении писательницы проследить путь Медеи к самой себе, разрушить все существующие стереотипы, концепты о Медее, показать истинную Медею. Она во сне в диалоге со своей матерью поведает правду о себе, о своем страшном открытии: Коринф зиждется на преступлении, на злодействе. Доказательство этому Ифиноя – дочь царя Коринфа, убитая в младенчестве, чтобы власть и престол достались ее отцу. Медея развенчает миф о золотом руне, оказавшемся самой обычной овечьей шкурой. В Коринфе Медея стала целительницей, а ее обвиняли в колдовстве, гнали из дворца, обвиняли в предательстве, в братоубийстве, детоубийстве. В романе К. Вольф прослеживается процесс зарождения ложных слухов, молвы о преступлении Медеи, разоблачаются сплетни о ней, ибо правду знает и повествует тень Медеи. Обличая власть, которая зиждется на преступлениях, Медея, оказывается, совершила бегство из Колхиды с Ясоном, потому что больше не могла оставаться в этом «обреченном, прогнившем» городе, где толпа фанатов древнего закона с целью сохранить власть царя Эета, ее отца, убила брата Медеи. Однако обряд искупления заставили совершить Медею, заодно протянув к искупительному ритуалу ... бегство из Колхиды и пособничество Ясону» [3, с. 38]. Обвинив Медею в гибели Главки, которой Медея якобы послала отравленный свадебный наряд, разъяренная толпа, требовавшая изгнания Медеи, убила ее детей, называя их «пашенками проклятыми», якобы «этим избавила Коринф от этой заразы». Однако все поверили, что эта Медея убила детей с целью отомстить Ясону за его неверность. Коринфяне еще придумали обряд поминания этого дня с тем, чтобы последующие поколения звали Медею детоубийцей. Так сложился миф, который был развенчан в романе К. Вольф, направленном на разрушение наших представлений о Медее.

Появившись в романе в последний четвертый раз, Медея заявляет, что ей осталось лишь «проклясть этот мир». «Можно ли помыслить такой мир, такое время, где я пришла бы к месту? Некого спросить» [4, с. 79]. Посредством голоса Медеи К. Вольф обвиняет мир, основанный на ложных мифах, на страхе, злодеяниях.

Во все времена сплетни, молва, страхи, слухи складывались в мифы о злодеяниях неугодных Медей. К. Вольф очищает образ Медеи от навешанных на нее различных ярлыков, оказавшихся всего-навсего молвой, ложью, надуманными обвинениями. Никакой вины Медеи ни в чем нет, не совершала она никаких гнусных, страшных преступлений, при этом была неоднократно гонимой, униженной и оскорбленной.

Трансформация мифа направлена на развенчание концептов о Медее как детоубийцы, братоубийцы, колдуньи, и на утверждение идеи всеобщей преступности окружавших и осуждавших ее. Зло в романе распространено во всем мире, оно глобально.

Всеобщая преступность в образе разъяренной толпы противопоставлена невинной Медее, которую хотели, но не смогли уничтожить, смогли лишь сломить, оклеветать. Миф о Медее сам себя отрицает, разрушаются концепты «Медея – детоубийца», «Медея – братоубийца», «Медея – колдунья», «золотое руно». К. Вольф, разрушая наши предубеждения о Медее, описывает вневременное зло в мире – «антимир».

Все произведения, которые выходили из-под пера Кристи Вольф, – это размышления о судьбе Родины и ее жизни в Германии до войны или после. Отсюда и главный принцип всех ее произведений – автобиографичность или «аутентичность» – понятие, которое вводит непосредственно сама Криста Вольф. Иными словами, «аутентичность» – это новый параметр женской саморепрезентации. отражение личного женского опыта, который проявляется в творчестве лишь ценой отказа от определенных форм.

В романе «Медея» «немецкая» тема настолько плотно входит в мифологический сюжет, что границы между ними практически не существует. Ощущение беспомощности, потерянности и бессмысленности в конечном итоге выливается в проклятие Медеей всего мироустройства. И если принять во внимание параллелизм личной судьбы Кристи Вольф с судьбой Медеи (а ранее Кассандры), то последние строки романа выражают неутешительный итог, к какому пришла сама писательница.

В следующем романе – «Размышления о Кристе Т.» [1] заложены принципиально иные чем прежде, предпосылки взаимоотношений с читателем, автор не как рассказчик, а партнер в диалоге, собеседник, единственное действующее лицо книги – ибо главным действием, предметом и сутью повествования становится размышление, которое определяет весь художественный строй романа. Прихотливо, подчас сбивчиво, а то и произвольно ведет автор свой внутренний монолог, непринужденно сопрягает прошлое с настоящим, реальные факты – с домыслами и предположениями. Способ повествования, всецело основанный на законах мышления, воспроизводит динамику развития мысли.

Однако выбор героини вызывает вначале недоумение. Почему роман посвящен размышлениям и воспоминаниям о Кристе Т. Она не нашла призвания в жизни. Она не состоялась как учительница, как писательница, пробовала замкнуться в иллюзорном мирке домашнего счастья, но и тут ее подстерегала беда: неизлечимая болезнь. Что скажешь про такую судьбу? Почему именно эта жизнь не задалась? Почему же такой натуре не удалось развиваться, реализовать себя в условиях нового общественного строя, создающего наибольшие благоприятности?

Криста Вольф нащупывает цепочку проблем, имеющих значение не только для данной, конкретной, отдельно взятой судьбы. Ей недоставало решительности, упорства в достижении целей, да и умения эти цели определять, слишком легко тушевалась она перед первыми же трудностями. Все ли трудности, поставленные перед ней обществом, были исторически оправданы и необходимы? Вот Криста Т., молодая учительница, проверяет первую в своей жизни стопку школьных сочинений: ученики, все как один, пишут не то, что думают, а «как надо». Они с малолетства уже знают, что писать «как надо» – и вернее, и выгодней. Они уже успели усвоить, что можно и даже желательно занимать «общепринятую позицию», не слишком сверяя ее с личными наблюдениями и взглядами на жизнь. И вот уже один из бывших учеников чуть снисходительно втолковывает своей наивной «училке», что главный закон бытия – «приспосабливание».

«Размышления о Кристе Т.» можно прочесть и как отповедь приспособленчеству, в значительной мере эта книга о человеке, который не умел и не хотел приспособливаться. Однако сводить конфликтную подоплеку романа только к банальной назидательной установке было бы плоским упрощением. Судьба Кристи Т. не сложилась отнюдь не потому, что ее окружали плохие люди. Многие ее современники готовы ради торжества своих идеалов на самопожертвование. Вот тут-то и возникает один из ключевых вопросов книги: когда, где, как и при каких обстоятельствах эта благородная самоотверженность может обернуться механически-бездумным, сугубо формальным выполнением социальных обязательств? Соответствуют ли они представлениям о всестороннем развитии личности, которые в конечном счете и определяют сущность общества?

Каждому человеку необходимо найти путь к себе – определить место в жизни, общественный долг будет выполнен сполна. В контексте этой, основной мысли романа и следует присмотреться к «проблематичному» образу главной героини. Выясняется, что отнюдь не все привычные мерки, с помощью которых принято оценивать вклад человека в общее дело к ней, Кристе Т., приложимы. И писательница пристально изучает эти общепринятые мерки: профессиональный успех, общественная деятельность. Разве страстное желание Кристи Т. создать семью, воспитывать детей противоречит общественной пользе? Но это ее стремление в лучшем случае воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а в худшем – как претензия на «мещанское счастье». Всей системой воспитания и образования ей с самого начала предлагалось строить свою жизнь по канонам состоятельности, где во главу угла ставился успех, целеустремленность, воля, умение преодолеть, а порой и переломить себя. И обязательно ли идея женского равноправия должна предполагать одинаковую для мужчин и женщин шкалу оценки? Вот вопросы, к которым подводит читателей этот роман. Они, эти вопросы безусловно, актуальны для современного общества, но корнями своими уходят в глубокую древность.

Реальность и вымысел сложным образом переплелись в этом романе. В то же время «Размышления о Кристе Т.» – не роман-документ, не просто попытка реконструкции чьей-то конкретной биографии, это, скорее, роман-исследование, где на первый план выходит не воссоздание одной судьбы, а анализ общественных проблем, в этой судьбе преломившихся.

Главную мысль своего романа Криста Вольф формулирует с полемической заостренностью: на страницах ее книги несколько раз упоминается лозунг: «Если не сейчас, то когда?!».

Проблемы, остро очерченные или только едва намеченные в «Размышлениях о Кристе Т.», актуальны и по сей день. Обретенные в «Размышлениях...» повествовательные интонации, предполагающие как бы постоянное общение с

читателем, неторопливо-раздумчивый разговор с ним, стали главной особенностью прозы Кристи Вольф, необычайно широко раздвинув границы этой прозы, сообщив ей редкую свободу сочетания жанров и стилей: фантастическое допущение соседствует здесь с документальностью и публицистикой, автобиографичность с художественным вымыслом, эссеистика с проникновенным лиризмом, история и миф – с современностью. При всех различиях в тематике, да и проблематике, одна характерная черта остается неизменной: совместная включенность повествователя и читателя в логику и игру авторского замысла, предполагающего коммуникативность.

Заключение

Мы в своем исследовании «размышления» называли формой произведения. Однако есть все основания, считать «размышления...» жанром.

Жанрообразующие факторы:

1. Семантизация жанровой формы: целостный охват жизни, постановка вечных проблем проявляется на всех уровнях текста.
2. Множественность смыслов.
3. Два начала – жизнь и смерть.
4. Человек на «границах».
5. Синкретизм жанрового мышления: взаимопроникновение познавательного, оценочного, информативного, экспрессивного аспектов освоения мира.
6. Аморфность жанровой формы: слияние проблемного, персонального, концептуального уровня.
7. Зыбкость границ между сознанием героя и изображаемой средой.
8. Соединение голосов всех персонажей в голосе автора.
9. Преобладание в жанровом содержании моделирующей функции: текст как модель бытия.

Таким образом, семантичность, лаконичность, синкретичность, модальность выступают самостоятельными жанрообразующими факторами.

Литература

1. Вольф К. Франкфуртские лекции. *Избранное*. Москва: Радуга; 1988:149-286.
2. Гугнин А.А. Через иллюзии к реальностям: Заметки о творчестве Кристи Вольф. *От первого лица*. Москва: Прогресс; 1991:5-25.
3. Можейко М.А. *Постмодернизм*: энциклопедия. Минск: Интерпресервис; 2001:1040.
4. Вольф К. Медея. *Иностранная литература*. 1997;(1):1-79.

References

1. Wolf C. The Frankfurt Lectures. Selected works. Moscow: Raduga; 1988:149-286. (In Russian)
2. Guginin AA. Through illusions to realities: Notes on the work of Christa Wolf. From the first person. Moscow: Progress; 1991;(5):25. (In Russian)
3. Qritsanov AA, Mojeiko MA. Postmodernism: encyclopedia. Minsk: Interpreservis; 2001:1040. (In Russian)
4. Wolf C. Medea. *Foreign literature*. 1997;(1):1-79 (In Russian)

Об авторе

НАДЖАФОВА Зоя Исмаил гызы – к. филол. н., доц. каф. романо-германской филологии, Бакинский славянский университет. ORCID: 0009-0002-8962-4540, e-mail: necefovazoya@gmail.com

About the author

Zoya I. NAJAFOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Baku Slavic University. Baku, Azerbaijan. ORCID: 0009-0002-8962-4540, e-mail: necefovazoya@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declare no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 15.01.25

Принята к публикации / Accepted 25.02.25